

в религиозном лексическом обиходе 1920-е гг. – в период записи текста легенды, но не сохранилось в современной лексике.

Формирование этих легенд происходило, с одной стороны, через переосмысление архаичных дуалистических сюжетов (МНП и этиологическая серия) в контексте апокрифической и библейской нарративной традиции, с другой стороны, путём включения в устную повествовательную традицию коми книжных сюжетов – через восточнославянское посредство или самостоятельно. Такие сюжеты, как запираание бесов в горшках, грехопадение первой женщины, являются примерами конструирования новых «библейских» рассказов на базе архаических нарративных моделей.

§ 4. Эсхатологические сюжеты в коми мифологии

Эсхатологические легенды в определённом смысле являются продолжением и развитием космогонической дуалистической серии. Это повествования об ожидаемом конце света, наступление которого ожидается в определённый традицией срок. Принято считать, что народная апокалиптика коми разработана слабо, об этом свидетельствует статья в энциклопедии «Мифология коми» (Конаков 1999d: 248–249). Однако по прошествии времени с момента публикации этой статьи стало ясно, что дело не в «слабой разработке» этой тематики в коми мифологии, а в малой её изученности на тот период. С тех пор были собраны новые полевые и архивные материалы, обобщены и осмыслены результаты прежних полевых наблюдений, не учтённых во время работы над энциклопедией, вышел ряд публикаций об эсхатологических представлениях русских (Белоусов 1991; Левкиевская 1999; Panchenko, Христофорова и др. 2003; Ахметова 2004; Любимова 2009). Наша задача – дать описание представлений о конце света у коми. Для решения этой задачи привлекаются материалы народной культуры коми-зырян конца XIX–XX вв. в архивных фиксациях, в публикациях, а также полученные в ходе полевых экспедиций 1990–2006 гг.

Поскольку эсхатологические представления относятся к сфере народной религиозности, надо сказать, что коми в конфессиональном отношении достаточно неоднородны. Кроме последователей официальной православной церкви, среди них есть большие группы старообрядцев-поморцев (Удора³⁶, Печора), старообрядцев-нетовцев (в. Вычегда), последователей мистической секты *бурсьылысьяс* (Певцов Добра) (в. Вычегда). Соответственно, эсхатологические представления

³⁶ Удора, Удорский район – междуречье рек Мезени и Вашки. Старообрядческим является население сёл по средней Вашке.

разных конфессиональных групп коми также различны. С одной стороны, это старообрядцы, которых, как пишет в одной из своих последних работ Кирилл Чистов (2002: 181), характеризует «чрезвычайно напряженное ожидание “конца света”, уверенность в том, что “последние времена” уже наступили и в России господствует Антихрист или, по крайней мере, его “предтечи”». Эти убеждения способствовали выработке системы эскапизма, «выражавшей неприятие действительности и требовавшей необходимости принятия мер, которые выключали бы старообрядчество как конфессиональную и социальную общность из сферы действия Антихриста или <...> по возможности ослабляли его влияние» (Чистов 2002: 182).

Похожая эсхатологическая модель существовала и в среде *бурсьылысьяс*, которые дистанцировались от официальной православной церкви и правительственной администрации ещё до революции 1917 г., а в послереволюционные годы активно проповедовали концепцию наступивших последних времён. С другой стороны, большая часть населения Коми края не имела отношения к старообрядцам и *бурсьылысьяс*, и в этой среде бытовала совершенно иная эсхатологическая модель, не предполагавшая актуального влияния на современный им образ жизни.

Под эсхатологической моделью в пределах данной работы понимается совокупность текстов эсхатологической тематики, объединяемых по отношению к определённому типу религиозности. Можно говорить, по крайней мере, о двух эсхатологических моделях, на базе которых были созданы различные виды устных эсхатологических текстов. С одной стороны, это модель мифологического характера, к ней относятся тексты, не имеющие христианского содержания, а с другой стороны, модель христианского типа, тексты которой базируются на христианской тематике. Каждая модель имеет свой особый сценарий развития эсхатологического сюжета, так что по ходу статьи мы будем рассматривать эсхатологические тексты в рамках определённой модели.

Структура эсхатологического текста предполагает наличие двух субъектов повествования, один из которых – повествователь – сообщает эсхатологический прогноз, услышанный им от субъекта-посредника, получившего откровение из некоего сакрального или потустороннего источника. Сам эсхатологический прогноз представляет собой универсальный сюжет, развитие которого происходит как чередование или нагнетание явлений, предшествующих концу света. Вот типичный сюжет эсхатологического нарратива, записанный мной в 1996 г. в коми селе Мужы на р. Оби:

У меня была бабушка. И она все нам рассказывала, какая жизнь будет дальше. Когда стала собираться за Камень, мне тогда говорит: «Внуч-

ка, раньше уже рассказывала, да, наверно, в голову ты не взяла. Давай, пока не уехала, расскажу, и ты кому-нибудь дальше расскажешь про эту жизнь». И она рассказывает: «Скоро война начнется. Скоро уже. Война будет большой, долго будет идти». А я ей: «Бабушка, ты ведь ни одной буквы не умеешь прочитать, откуда это все знаешь?» А она говорит: «У нас головы не такие». А я снова ей отвечаю: «Что же у тебя за голова, у меня ведь такая же». «А теперь народ уж не таким будет. Другим будет, не будет таким, каким был в последнее время. Потом война закончится, народ будет жить-поживать, строить будет семьи. Народу сначала мало будет, убьют многих. И народ будет жить лучше, и еще не заметит, а начнет портиться. Понемногу портиться начнет. А потом заметит, что народ испортился. Кто-то начнет пить, кто-то что-нибудь плохое будет делать. А этого раньше не было. А после народ очень хорошо будет жить: в шелках в баню идет, в шелках к корове выходят, а веселья не будет. Потом дети перестанут умирать. Очень редко будут умирать дети. А взрослые будут от бед и напастей гибнуть». Она, конечно, не русскими словами это говорила, а у меня уже русские слова выходят. «И в каждом углу начнется война. Отец убивает сына, а сын убивает отца. Жизнь станет очень плохой. После народ обратится к Богу, но будет уже поздно. Начнут строить церкви, но поздно будет. Народ опустится, станет много пьянства. Если много пьянства, там и много всякого зла. Потом в каждом углу война начнется, и напоследок, при вхождении во второе тысячелетие, земля загорится. Иисус Христос второй раз спустится на землю создавать новую жизнь». Как она предсказала, через два с половиной года началась война, Отечественная. (Му пуксьём 2005: 531–532)

Субъектом-посредником здесь является бабушка, сообщающая повествователю-внучке эсхатологический прогноз, начинающийся с предсказания хорошо известного слушателю исторического события – Второй мировой войны. Функционально эта информация как исторический факт должна придать достоверность всему прогнозу. Свой пророческий дар бабушка объясняет принадлежностью к более раннему, «хорошему» поколению людей, после которого начнётся постепенная деградация каждого последующего поколения: от малого пьянства к большой братоубийственной войне, завершающейся мировым пожаром и вторым пришествием Христа. Эта концепция воспроизводит циклическую парадигму мифологического времени: историческое движение, в ходе которого происходит деградация поколений, переходит на космологический уровень и завершается концом света, причем Христос, в последние времена спустив-

шись на землю, должен выполнить миссию демиурга по обновлению мира. Показательно, что употребление в своей речи русских слов рассказчица также относит к признакам деградации своего поколения по отношению к поколению бабушки. Как отмечает екатеринбургский литературовед Елена Созина (2007а: 172), представление об обрусении как о признаке деградации людей бытовало достаточно давно, во всяком случае, оно фиксируется в произведениях Каллистрата Жакова, издававшихся в начале XX в. в Санкт-Петербурге: *«Герои его авторских легенд – это мифологические богатыри, объявляемые первопредками нынешних коми. В рассказах и очерках <...> охотники северных лесов имеют <...> внешние признаки, сближающие их с “богатырской чудью” – это высокий рост и сила <...>. Маленькие люди, т. е. по факту – русские, заполняют землю, однако такими же маленькими были представители “карликовой чуды”, вышедшие из земли и потом в нее вернувшиеся».*

Идея деградации поколений человечества, видимо, изначально заложена в эсхатологическую модель и представляет собой устойчивый сценарий – без этого механизм циклического движения мирового процесса к последующему обновлению мира попросту не стал бы работать. В том или ином виде эта идея присутствует в мифологиях многих народов (см. об этом Евзлин 1993: 57). Что касается коми, то представления о смене поколений людей вследствие их постепенной деградации ярко выражены в текстах о чуды, зафиксированных в разное время у коми-пермяков и отчасти у коми-зырян. По этим текстам довольно уверенно реконструируется традиционная мифологическая модель энтропии-обновления космоса как процесс смены ряда поколений чуды.

Первым признаётся чудской карликовый народ (ростом с вершок, лошадь – ростом с овцу, сохой величиной с ложку пахали землю, рожь шилом жали, всемером колос валили), живший в некие доисторические времена, когда мир имел другие пространственно-временные параметры: карликовый чудин мог прикоснуться рукой к небу. Время этого народа определяется двумя тысячами лет, по истечении которых «Бог меняет» народ, насылая потоп, губящий карликовую чудь:

В Доеговском р-не была д. Пома, теперь поле уже. Там, говорят, были дома мельничные. Будто, жил там мелкий народ, и их инвентарь мелкий находят, и – посуду. Мы ведь живем 1960-ый год «после потоп», а раньше тоже жили, только другие. Мы будем жить 2 тыс. лет, как и они; Чучкие – мелкий народ был. Этот народ бог сменил («вежэм»), потопил всех, переменял. А затем новый народ, крупный пришел. (Грибова 1991: 46).

По другой, более популярной версии, карликовая чудь хоронит себя в земле. На смену карликам приходит другое поколение людей, ассоциирующееся с богатырями. Чудские богатыри – это легендарные герои, основатели ряда коми-пермяцких селений и чудских *каров* – городищ, располагавшихся на высоких речных берегах. Наименования некоторых городищ-каров зафиксированы в местной топонимике; известны и населённые пункты, основанные некогда чудскими богатырями, и названные, между прочим, по их именам. Финал богатырской чуди трагичен. Предания повествуют о том, что, когда пришёл новый народ (предки современных людей) или же с наступлением христианской эры, чудины-богатыри заживо погребли себя в своих ямных жилищах. (Лимеров 1998: 95)

Близким по типу к образу богатырской чуди является образ чуди языческой; в некоторых фольклорных текстах коми-пермяков богатыри являются даже предводителями язычников, выступающих против христианизации. По преданиям, городища чуди находились на холмах, которые в современной топонимике зафиксированы как «чудские». Жилищами служили пещеры, а чаще землянки или ямы, крыша которых держалась на четырёх столбах. Камской чуди часто приходилось воевать с «разбойниками», приплывавшими на больших лодках с верховьев, поэтому городища-кары были укреплены и соединялись друг с другом подземными ходами. На врагов чудские воины скатывали брёвна с крутого берега, сбрасывали камни. Борьба против врагов нередко отождествляется с сопротивлением христианизации. Основным противником чуди в этом случае является св. Стефан Пермский, приплывающий к язычникам по реке на каменной глыбе. Он рубит священную берёзу, рушит истуканов. Языческая чудь также погребает себя в земле или уходит с уже христианской территории. (Лимеров 1998: 95)

Таким образом, представления о смене поколений включены в общую календарно-мифологическую концепцию развития и энтропии мира. Первое после карликов поколение богатырей обладает самыми незаурядными качествами, следующие за ним «язычники» и далее «обычные» люди с каждым разом становятся всё более слабосильными. Вместе с тем постепенно приходит в упадок и общее состояние мира. По мере того, как поколения сменяют друг друга, отдаляясь от первого, жившего в Золотом веке «начала начал», усиливаются процессы всеобщей энтропии, упадка мирового порядка, и в результате мир как бы возвращается к исходному состоянию, ко времени карликовой чуди (Лимеров 2008a: 174). Отсюда мифологема слабосильности последних поколений людей: у коми это выражено в представлении о том, что в последние времена люди всемером будут поднимать одну соломинку; у русских – люди вдвоём будут нести один веник к бане и т. п. (Panchenko).

Энтропийный процесс должен завершиться концом света – всемирным пожаром или потопом, за которым последует обновление мира под «руководством» демиурга – Ена (Бога). Надо заметить, что полностью эсхатологический сценарий фактически не может реализоваться в рамках единого нарратива, но он всегда предполагается, поскольку рассказчик имплицитно соотносит себя с современным ему поколением людей, живущим во временном отрезке между предыдущим – богатырским, языческим или непосредственно чудским поколением, и поколением последующим – более слабосильным, а значит, и более близким к финальному светопреставлению.

В эсхатологических нарративах не о чуде эта схема реализуется эксплицитно, при этом мировой энтропийный процесс и деградация людей начинаются как бы от времени самого персонажа-посредника. Ср. русск.: «Раньше какие были мушцины – здоровенные, крепкие»; «Поколение из поколения слабже становится» (цит. по: Щепанская 2002: 222). В первом тексте этим персонажем является бабушка, а внучка-повествователь уже отмечает у себя начальные признаки деградации, многократно возрастающие количественно в сюжете эсхатологического прогноза. Эти признаки в тексте имеют хронологическую последовательность от времени беседы бабушки с внучкой и мировой войны через примеры постепенной порчи народа к последней братоубийственной войне, а также имеют привязки к реальным историческим событиям, датам, узнаваемым слушателем. Благодаря такой календарно-исторической организации сюжет прогноза получает необходимую достоверность для того, чтобы слушатель мог адекватно воспринять дальнейшую космологическую информацию.

Характерно, что мифологическая модель эсхатологического сценария не знает категории Страшного Суда. Образ Иисуса Христа, даже если он присутствует в текстах, не имеет христианского содержания, Он не судия, а демиург, он не судит грешных и праведных, а разрушает старый мир и создаёт новый. Это значит, что источником эсхатологической информации является мифологическая традиция, а не христианская. Отсюда особый тип персонажа-посредника, обладающего пророческим даром. Это, как в анализируемом тексте, человек, принадлежавший к другому, лучшему, но уже изжившему себя поколению, или колдун *töдысь* 'знающий', колдовская сила которого, кроме всего прочего, включает и способность предсказывать. В жанровом отношении такие тексты относятся к преданиям о героях, обладающих необычными качествами: силой, колдовским знанием, охотничьей удачей или тем и другим. В этом случае эсхатологическое предсказание может включаться в текст как отдельный мотив, дающий дополнительную информацию о силе героя. К примеру, сюжетная структура предания о *Джыдж Ивö* (Иване Стриже), колдуне из с. Нившера, представляет собой последовательность трёх основных мотивов, в первом из

которых репрезентируется колдовская сила героя, во втором – его необычная физическая сила, а в третьем – его пророческий дар.

В качестве мотива эсхатологический прогноз может включаться в тексты нарративов о колдуне *Тювэ*, но может бытовать и в качестве самостоятельного рассказа в цикле преданий об этом же герое. То, что эсхатологическое пророчество исходит от сильного колдуна, не случайно, поскольку только сильным колдунам приписываются свойства видеть скрытое и предсказывать будущее. Знание об этих свойствах колдуна создаёт дополнительный авторитет для исходящей от него эсхатологической информации. Тем не менее, сведений о пророчествах колдунов, относительно других их свойств, сравнительно мало. Вот несколько типичных колдовских эсхатологических прогнозов. Тексты даются в сокращении.

Тювэ: Лымва дважды опустошится, потом и не будет жителей...; железные кони появятся, железные птицы будут летать, паутина будет висеть – все предсказал: о тракторах, самолетах, радио и телефонных проводах... (Му пуксьём 2005: 326)

А плохое будет то, что даже в своих снях людей убивать будут. Война третья еще будет. Мужской род совсем исчезнет. Бабы будут по лесу бродить, мужские следы искать. Спорить будут, это медвежьи следы или мужские. Даже за мужские штаны драться будут. (Му пуксьём 2005: 530)

Джыддж (Стриж) Ивё: ...в вылибском бору откроется сплавной завод, после этого будут мучать людей принудительной работой и налогами. А после закрытия завода откроется такая тюрьма, где умрет много людей. После этого будет большая война, и убьют людей еще больше. Мужского рода никого не останется. Будут женщины ходить по медвежьим следам и думать, что медвежьи следы – это следы мужчин. И станут братья бояться друг друга. И станут люди топиться в воде из-за голодной и тяжелой жизни. И когда на плесе возле деревни Троицк бревна обратятся в земной хлам, после этого земля поменяется, и ничего живого не останется на земле. (Му пуксьём 2005: 328)

Петра Вань: Будет полно железа. По небесам железо будет летать, и по воде огонь будет ходить. Рыбы не будет, в лесу птицы не будет, на Выми жителей не останется, только на холме Кыркетш останется один петух». Это он рассказывал. Как-то ведь знали. Так и случилось. Всюду железо. Нет ни рыбы, ни птицы. (Му пуксьём 2005: 528)

Джыддж (Стриж) Кузьма: Будет такая жизнь, что всюду повиснет паутина, проволоки ведь тогда не знали. Раньше не знали заборов ни в лесу, ни возле дома, а он говорил, что всюду будут заборы. А сейчас ленивых и вороватых жуликов полно (вот и строят заборы). Молодые будут пьянствовать. Эта жизнь и наступила. (ФФ ИЯЛИ КНЦ УрО РАН: Видеозапись 1101)

Старый знахарь: в Костином бору жить не будут, нечистое там место. Там будут сильно строиться, но мужиков живых там не будет. (ПМА 1997)

Таким образом, подобные пророческие нарративы оперируют определённым набором знамений, которые традиция приписывает тому или иному колдуну³⁷. К примеру, легендарный богородский колдун Тювэ жил приблизительно в конце XIX в., поэтому народная рефлексия XX в. приписывает ему предсказание тракторов (железные кони), самолётов (железные птицы), проводов (железная паутина). Однако «железо» в данном случае не более чем мифологема, указывающая на крайнюю энтропийность описываемого мира. Эсхатологическое «железо» противопоставлено живой природе настоящего времени: железные кони, железные птицы – значит, не живые, паутина – эсь метафора железного неба³⁸. В отношении грядущего «железного» мира колдовской прогноз коррелирует с символикой христианских, в частности, старообрядческих легенд. Ср. в верхнепечорской легенде: «медные будут небеса, железной станет земля», т. е. земля вся будет покрыта железом, а небеса превратятся в медь. Последнее отсылает к космогонической легенде о строительстве небес Богом (Еном) и Дьяволом (Омӧлем), когда последний воздвигает медные небеса ниже небес Ена (Бога), отчего на земле начинаются засуха и голод (Му пуксьӧм 2005: 35).

Медь – строительный материал ада, выше об этом уже говорилось. В других апокрифических текстах «железным» описывается облик Дьявола (Дудко 2008: 172): «...и стал облик его как железо раскаленное». Таким образом, концепция «железного мира» в последние времена имеет апокрифические корни, «железный мир» эксплицирует идею царства Дьявола, инвертированного по отношению к миру людей: железо тяжелее воздуха, но оно будет летать, а огонь будет ходить по воде, не потухая. С мифологемой «железного царства» Дьявола коррелирует идея голода, от которого люди начинают вымирать. Уже современность описывается как мир, где «всюду железо, нет ни рыбы, ни птиц»; что касается

³⁷ Набор этих символов универсален, они описаны в указанной выше литературе.

³⁸ В современных старообрядческих проповедях предсказание о «железной паутине» связывается с идеей «всемирной паутины» интернета. Считается, что в конце времен дьявол явит свой лик по этой паутине через экран монитора компьютера.

эсхатологического голода, то он настолько невыносим, что «многие пойдут искать еды к бесу: “Накорми нас. Мы живем голодно!”» (Му пуксьём 2005: 534). С идеей голода связана идея последней войны, в результате которой на свете не останется мужчин. Мир женщин эсхатологичен, поскольку не имеет продолжения во времени, в этом смысле он является инверсией современного мира мужчин.

Этот человек умер уже, был попом, это он рассказывал. До двухтысячного года будет жизнь. Потом начнется наводнение, и если останутся сколько-то человек, то останутся. А хозяином вместо Ельцина будет женщина. (ПМА 1997)

Задачей эсхатологической модели, разработанной в среде старообрядцев и *бурсьыльсьяс*, является программирование повседневной жизни членов общины, поэтому она отличается, во-первых, своей ориентацией на книжные источники, а во-вторых, тщательно разработанным учением об Антихристе и Страшном Суде. По отношению к рассмотренной выше мифологической модели эту модель следует назвать христианской. Оба названия достаточно условны, в обеих моделях нередко обнаруживаются одинаковые мотивы и образы, однако в последнем случае отношение к христианской православной религиозности является основным фактором. Соответственно, сценарий деградации поколений людей обоснован христианской концепцией греха.

В 1991 г. мне довелось беседовать со старообрядческой наставницей д. Острово (Удорский район Республики Коми) Анной Созоновой. На мой вопрос об Антихристе и конце света, она взяла «Откровение Иоанна Богослова» и прочитала отрывок о пришествии Антихриста в последние времена, добавив, что Антихрист уже пришёл в наш мир (ПМА 1991). По сути, она могла бы и сама рассказать об Антихристе, но, поскольку книга оказалась рядом, она обратилась к ней как к первоисточнику. Иными словами, в контексте книжно-письменной традиции, каковыми являются старообрядчество и *бурсьыльсьяс*, книжный текст часто используется как инвариант по отношению к устным эсхатологическим легендам. На сегодняшний день известно достаточно много устных легенд и духовных стихов, в основе которых лежат фрагменты Библии или апокрифических текстов, однако текстологический анализ не входит в задачи этой работы. Здесь следует отметить, что сама устная традиция этой среды не только использует в текстах те или иные книжные сюжеты и мотивы, но и обращена к книге как к единственному источнику эсхатологической информации. Вот типичный эсхатологический нарратив, записанный в старообрядческой д. Медвежская на Печоре:

В Писании сказано, что 2000 год не наступит – будет кончина мира, Страшный Суд. Земля будет на сорок саженой вглубь гореть. Сейчас все матерятся, все курят, все стали, как бесы. (Му пуксьом 2005: 535)

Здесь неважно, содержит ли на самом деле подобную информацию Писание (см. о ссылках на Библию в устных нарративах русских в Ranchenko), важно, что сама рассказчица в этом уверена. Данный текст характерен и тем, что в него включены четыре основных мотива, разрабатываемых в христианской эсхатологической модели: ссылка на Писание; 2000 год как дата конца света; Страшный Суд; уподобление людей бесам.

2000 год как дата конца света считается общепризнанной, она встречается и в других устных традициях. Что касается коми, то эта дата упоминается и в текстах о чуди, и в эсхатологических легендах представителей разных конфессий. Разница в том, что старообрядцы и *бурсьылысьяс* пытаются найти обоснование этой дате в христианской традиции. К примеру, в 1991 г. совпадение праздника Благовещения Богородицы и Пасхи (Кириопасха) воспринималось населением Удоры как наступление трудных времён, как бы предшествующих концу света. Наставница д. Острова А. Н. Созонова трактовала Кириопасху как начало больших перемен, пик которых она определила на 1998 г.:

В нынешнем году Благовещение и Пасха были в один день, давно уже так не было. А в 1998 году снова что-то произойдет. Неизвестно, что будет. Мы к этому времени умрем, а вы помните. Может, большая война или еще что случится. Если война будет, в книге написано, что если война будет, то развернется земля, и в вихре пройдет огненный шар и все сожжет, ничего не останется. (ПМА 1991)

По легенде *бурсьылысьяс*, первоначально дата конца света соответствовала 1000 году и была определена Иисусом Христом. Однако после его сошествия в ад и выведения праведников эту дату изменил бежавший из ада Соломон, перебив дату на каменном столбе с 1000 лет на 2000. На это Иисус Христос сказал:

Соломон, зачем ты добавил людям муки? Я назначил им тысячу лет до конца света, и они будут жить эту тысячу лет хорошо, и земли и воды будет в достатке, будут большие урожаи, реки будут полны рыбой, только мудрых людей будет мало. А потом, во вторую тысячу лет, которую приписал Соломон, будет много мудреных людей, а жизнь станет плохой. Все станут мудрствовать, обогащаться, обманывать друг друга. Все станут грамотными, не будут смиряться друг перед другом, вера

в Бога будет нарушена, церкви опустошатся, кресты с холмов будут сброшены. (Му пуксьём 2005: 84–86)

В этом тексте 2000 лет разделены на тысячелетия благоденствия и деградации, причём второе тысячелетие перед Пришествием было установлено Соломоном, а не самим Христом, и это объясняет причины постепенной деградации людей. Как видим, в отличие от мифологической модели, деградация в данных текстах описывается как отход от христианской традиции, уподобление бесам, антихристианство.

Он все рассказывал, от становления земли и до сегодняшнего дня... Эту революцию предсказал. Почему-то он все знал уже до революции, давно предсказывал, что прогонят царя, низвергнут, революция будет, иконы, церкви порушат, Богу перестанут верить, с бесами будут жить – все будут антихристами. Рассказывал, и когда земле наступит конец. Просто станет темно, Иисус Христос спустится на землю и наступит второе тысячелетие, конец жизни, жизнь на земле прекратится и все, все погаснет, водой ли, огнем ли, все погаснет. (Му пуксьём 2005: 529)

Мотив уподобления бесам, антихристианства, коррелирует с концепцией пришествия в мир Антихриста и подчинения людей его воле. Как правило, устные тексты акцентируют внимание на послереволюционных событиях, якобы положивших начало движению Антихриста и бесовщины. В среде старообрядцев и *бурсьлыльяс* подобные представления в 1920–1930-х гг. вызвали вспышки эскапизма, выразившиеся в сопротивлении коллективизации. Староверы, особенно скрытники, считали колхозы (наряду с другими советскими институтами) проявлением деятельности Антихриста и отговаривали односельчан от вступления в них. Как следует из докладной записки НКВД по Удоре за 1936 г., «в результате работы скрытников все хозяйственные мероприятия Советской власти проходят трудно. В д. Верховзерье, где больше всего скрытников, колхоз организован в 1935 году, из 33 хозяйств вступило только 13; в с. Чупрово колхоз организован в 1932 г. из 112 хозяйств вступило 12; в д. Муфтыга колхоз организован в 1931 г. из 110 хозяйств вступило только 9» (Докладная НКВД: 95–96). В том же 1936 г. НКВД провело ряд репрессивных мероприятий в сёлах Удорского района, в т. ч. арест с последующим расстрелом 10 наиболее активных староверов деревень Муфтыги и Верховзерья во главе с наставницей Анной Карповой и скрытницей Ольгой Коровиной (Докладная НКВД: 91; см. также ПМА 1991). Всё это тоже воспринималось местным населением как эсхатологическое

мученичество праведников, а регистрация в сельском совете приравнивалась к получению печати Антихриста (ПМА 1991).

Подобные представления о советской власти и колхозах были распространены и в других районах Коми края, и на искоренение этих представлений были направлены силы НКВД. К примеру, в Усть-Куломском районе проводились репрессии против старообрядцев и секты *бурсьылысьяс*, агитировавших против вступления в колхозы. Так, по показаниям свидетелей, арестованный в с. Усть-Кулом старообрядец Т. А. Кочанов якобы говорил единоличникам, что «теперь почти все люди предались дьяволу. По евангельскому писанию все идет, а дальше будет все хуже и хуже. В этом винить нам некого, мы сами виноваты, это наши грехи» (Справка...). Арестованный в августе 1938 г. руководитель секты *бурсьылысьяс* Н. А. Напалков показал на следствии, что среди прочего он активно «боролся с коллективизацией через запугивание местного населения тем, что верующим, вступившим в колхоз, будут ставить на лоб печать Антихриста, мучить на работе» (Справка...). Ему инкриминировалось также «создание враждебного отношения к советской власти путем распространения слухов о войне, пришествии Антихриста, перемене советской власти» (Справка...). На Средней и Верхней Печоре скрытники призывали бежать от советской власти в леса, чтобы спасти свои души. В сентябре 1939 г. за «контрреволюционную деятельность» были арестованы крестьяне-старообрядцы Логинов, Пыстин и Пашнин из с. Конецбор, агитировавшие людей за выход из колхоза: «Колхозы созданы антихристом» (Справка...). Отмечались случаи выхода крестьян из колхозов, ухода в леса, и это вело к ужесточению репрессий.

Окончательное установление институтов советской власти и, в частности, колхозного строя в сельской среде привело к тому, что, с одной стороны, значительная часть сельского населения отказалась от веры в Бога, с другой стороны, в религиозной среде укоренилось мнение, что безбожная власть – это и есть власть Антихриста, а отказавшиеся от Бога попали под власть бесов, сами стали бесами, антихристами и, таким образом, сбылся эсхатологический прогноз. Сам образ Антихриста как бы отошёл на второй план, а его дела проводили люди, им одержимые. В начале 1990-х гг. на Удоре говорили, что в годы советской власти Антихрист спал, потому что люди сами были как бесы, «А теперь многие обратились к Богу и Антихрист проснулся» (ПМА 1992). В связи с этим актуализировались эсхатологические ожидания, до начала 1990-х гг. как бы лежавшие «под спудом». В 2008 г. на переправе через реку Вашку возле с. Важгорт незнакомый мне мужчина, комментируя современное разорение удорских сёл и деревень, заметил, что «всю Удору сейчас шувгей (в данном контексте – Антихрист) носит» (ПМА 2008).

Более детально разработан образ Антихриста в цикле легенд о конце света, записанных в конце 1990-х гг. в среде старообрядцев средней Печоры Валерием Шаратовым и Александром Чувьюровым. Структурно такая легенда представляет собой развёрнутый сюжет эсхатологического прогноза, само откровение, известное повествователю из христианской традиции (книг, устных легенд, духовных стихов), т. е. сам повествователь и является субъектом-посредником, которому «открыта» эсхатологическая информация. Сюжет развивается от прихода на землю Антихриста через последовательное раскрытие мотивов обмана людей Антихристом, проставления печати на лоб и т. п. к мотиву Страшного Суда. Поскольку нынешнее время предполагается преддверием конца света, то в легендах говорится, что Антихрист уже на земле: «Теперь Антихрист служит, есть уже где-то. Скоро объявится. Имя его будет Александр. Он будет служить три года. Три года должны ему служить» (Му пуксьём 2005: 534).

Происхождение Антихриста трактуется двояко. В легенде, записанной от М. П. Головиной, он является братом Бога: «Давно я еще слыхала, что бес и Господь были одинаковыми братьями. Один пошел в Господы, а другой – в Антихристы. Этот Антихрист царем придет. Тогда один только царь будет. Один он будет сидеть, один руководить» (Му пуксьём 2005: 534). По другой версии, Антихрист – это человек: «В последние времена придет такой человек – Антихрист. Все ему поклонятся. Сам он как человек, а есть у него хвост, как у беса. Вот поэтому Антихрист будет надевать длинное пальто, чтобы хвоста не было видно. Поэтому длинное пальто носить – грех. Вот этот человек, Антихрист, станет руководить в последние времена. Он будет царем, всех будет обманывать» (Му пуксьём 2005: 535).

Собственное имя Антихриста – Александр, видимо, указывает на тождество с образом Александра Македонского как древнего завоевателя мира. Человеческое происхождение Антихриста указывает на его тварность по отношению к Богу, а значит, на конечность его правления. Что касается мотива братства Бога и Антихриста, то он восходит, с одной стороны, к «глубинным» апокрифическим знаниям, имевшим распространение в старообрядческой среде, а с другой, к первоначальному мифологическому сюжету противоборства творцов мира Ена и Омöля (Бога и Чёрта). Образ Антихриста в некоторых текстах совпадает и с образом Дьявола (Сатаны), хотя для последнего есть свои особенные черты: «Большой Сатана, который всех в ад тащит, сам как зверь и есть. Кто жил во зле, не признавал Бога, все ад идут. Главный сатана многоголовый и хвостатый» (Му пуксьём 2005: 536). Эта многоголовость Сатаны фольклорно-сказочного характера появляется вследствие отождествления битвы Михаила-архангела с драконом-сатаной в конце времен (*Откр. 12: 7-9*) со сказочной битвой героя со

змеем. Змее- или звероподобность Сатаны поддерживается православной иконографической традицией, согласно которой сатана (ад) изображается именно так.

Характерным топосом печорских легенд является мотив обмана людей, с помощью которого Антихрист приходит к власти, воцаряется над людьми: «Он будет царем, всех будет обманывать. Печать будет: на правую руку и на лоб будут ставить число 666. Кто примет число, скажут ему, что будут бесплатно кормить, по-всякому начнут обманывать, чтобы только печать Антихриста люди приняли» (Му пуксьём 2005: 534). Обманным путём Антихрист подчиняет людей своей воле: людей будут бесплатно кормить, давать деньги, поднимать пенсии, для того чтобы они сами приняли роковую печать – число 666 на лоб и на правую руку. Тех, кто не подчинится, будут принуждать к этому силой: «Кто не покорится, тех будет убивать, прогонять, издеваться, в огонь бросать – если не припишутся к Антихристу. Надо печать взять и на лоб и на правую руку поставить число 666» (Му пуксьём 2005: 534). Тогда большая часть людей покорится воле Антихриста, и «...Господь спиной повернется, потому что все станут жить плохо. Потом и молитвы не станет принимать» (Му пуксьём 2005: 534).

Основные сюжетные мотивы легенд: приход Антихриста, печать с числом 666, три года правления антихриста – соответствуют мотивам Откровения св. Иоанна (*Откр. 13:3-4*). Дальнейшее развитие эсхатологического сюжета предполагает раскрытие обмана антихриста: того, кто принял его печать, «его в ад, закованным в цепи в огонь, в огненное море утащат»; выданные деньги оказываются «кожаными»; вместо обещанного изобилия еды наступает голод: «Потом многие же пойдут искать еды к бесу: “Накорми нас. Мы живем голодно!” <...> Потом и наступит конец. <...> Медные будут небеса, железной станет земля. Он и скажет: “Что я вам дам? Если Сын Марии не даст пахать и сеять, ничего не будет”» (Му пуксьём 2005: 534). Этот дополнительный мотив создаёт притчевую ситуацию, в которой развенчивается ложное всемогущество Антихриста и указывается на его бессилие перед Христом. Возможно, мы имеем дело с определённым фондом сюжетных мотивов о последнем противостоянии Бога и Антихриста (здесь – Дьявола), которые используются традицией или путём включения их в состав того или иного эсхатологического рассказа, или же в качестве самостоятельного нарратива.

Потом Дьявол задал Иисусу вопрос: «Слишком много народу создал. А рабочих дней много даешь, а отдыха – только один день». А Иисус Христос отвечает: «В эти пять дней будут все успевать». Снова говорит Дьявол: «Народ создал и большую строгость дал народу». А он отвечает: «Народу если строгость не дашь, он будет хуже волка. Друг друга есть начнут, никакого смысла в жизни не будет». (Му пуксьём 2005: 532)

Во второе пришествие Бог спустится на землю. Тогда всюду станет светло <...> и выйдет навстречу Ен. Двое будут: один с белым хлебом, другой – с черным. Надо к тому идти, что с черным хлебом, это Ен. А с белым хлебом – это Омель. У Омеля не белый хлеб, а дерьмо белым намазано. (Му пуксьём 2005: 533)

Страшный Суд предваряется космической катастрофой, призванной уничтожить человеческий мир, погрязший в грехах. Это известные образы потопа или мирового пожара: прокатится «огненный шар», «земля будет на сорок саженой гореть», после чего на землю придет Христос вершить последний Суд.

Когда придет Страшный Суд, тогда все поднимутся, станут людьми: кто хоть в лесу потерялся, кто в воде утонул, кого рыбы съели. Всех соберет, все поднимутся: кто-то из гроба поднимается, кого-то из воды несут, рыбы принесут человеческие кости, кого-то несут из леса. Как начнет Господь трубить в трубу – тогда все поднимутся, все встанут перед Господом: волосы дыбом, глаза красные от крови, так перед Богом им страшно. Как Бог кинет свой жезл – у всех глаза раскроются и волосы встанут дыбом. Книги раскроются, в них все написано. (Му пуксьём 2005: 536–538)

Образы воскресения мёртвых в тексте соответствуют христианскому вероучению и представляют контаминацию мотивов из разных источников. Так, мотив «рыбы несут человеческие кости, кого-то несут из леса» был достаточно распространён в старообрядческой среде, в некоторых духовных книгах о Страшном Суде он используется в качестве иллюстрации христианской концепции воскресения человека во всей полноте его прежнего тела (см. рис. из рукописного «Духовного цветника» О. П. Коровиной д. Верхозерье), однако в целом он, по-видимому, является народной интерпретацией этой концепции. Мотив «раскрытых книг» взят из Откровения Иоанна Богослова: «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были <...> и судимы были мертвые по написанному в книгах» (*Откр. 20:12*). Ср. толкование Андрея Кесарийского (2009: 184): «раскрытые книги – суть совесть и дела каждого». Похожие образы используются в тексте духовного стиха *бурсьылысьяс*, записанного нами на Верхней Вычегде:

Когда придешь, Боже, на землю, от Твоей Славы все дрожит. Здесь, перед судом возле огненной реки, раскроются книги. Тайные дела подняты и рассказаны, тогда спаси меня от неугасимого огня. Направь меня на

правую сторону от себя встать. Судья праведный, когда придет Судья на Суд в своей славе, со всеми святыми, со всеми ангелами, тогда сядет Он на престол. Четырех ангелов отправит. Друг другу сиять. Первый ангел затрубит, кости начнут соединяться. Второй ангел затрубит, волосы начнут соединяться. Третий ангел затрубит, все будут цельными, словно только в гроб положенные. Четвертый ангел, главный начальник, затрубит, небеса и земля задрожат. Все умершие услышат зов трубы. Откроются крышки гробов: «Вставайте, вас зовут на суд. Что сделали хорошего, получите расчет. Что сделали плохого, отвечайте!» (Му пуксьём 2005: 540)

Кульминацией эсхатологического сюжета является Страшный Суд, включающий мотивы воздаяния за добрые дела и грехи и окончательной гибели материального мира:

На двенадцать локтей будет земля гореть. После этого огня останутся на земле те, у кого нет грехов. Все грехи в огне, конечно, сгорят. Кто без греха – те останутся. Ну, а на вольном свете живущих, наверно, вообще не останется. (Му пуксьём 2005: 538)

Праведники уйдут в вечную жизнь. А грешники уйдут в вечный неугасимый огонь. Ангелы свяжут их по рукам и ногам, закуют, в вечный неугасимый огонь бросят. Там им будет неизбывная печаль, бесконечное мучение. И слезы без конца. (Му пуксьём 2005: 541)

Мотив воздаяния, завершающий эсхатологический сюжет, логически закрывает и тему деградации людей, в данных текстах выраженную в концепции подчинения их воле Антихриста, «уподобления бесам». В мифологической модели, в которой нет этого мотива, человечество признаётся деградировавшим полностью (мотив слабости последних людей и т. п.), поэтому подвергается абсолютному уничтожению, так что обновленное человечество как бы уже и не имеет никакого отношения к предыдущему. Мир также уничтожается и создаётся вновь, при этом не потеряв признаков материальности. Христианский эсхатологический сценарий, напротив, предполагает полное уничтожение мира без его восстановления в прежних параметрах, при этом мертвецы должны воскреснуть в своей прежней телесности, в какой были при жизни, и восстановленное во всей численности человечество примет участие в Страшном Суде. В идее воздаяния заключается весь смысл эсхатологической истории: праведники за свои страдания получают «вечную жизнь», а грешники – «бесконечное мучение».

Эсхатологические сюжеты в коми мифологии

Таким образом, нами рассмотрены эсхатологические тексты коми устной традиции, зафиксированные в разное время в разных регионах проживания коми населения, в различной этноконфессиональной среде. Данные тексты относятся, в основном, к религиозной традиции; в жанровом отношении это легенды, поверья и духовные стихи. Очевидно, что рассмотренными текстами не исчерпывается вся эсхатологическая тема в коми фольклоре. За пределами изучения остались, к примеру, эсхатологические представления современных коми крестьян и горожан, более тщательной проработки требует устное и письменное наследие старообрядцев и *бурсьылысьяс*. Вместе с тем следует отметить существенную роль, которую эсхатология имела и имеет до сих пор в фольклорной традиции коми. Не случайно произведения многих коми писателей XIX–XX вв. включают фольклорные эсхатологические концепции.